

© 1999 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич - член-корреспондент Российской академии наук.

Советское общество принадлежит истории, близкой по времени, присутствующей по сей день в умах и сердцах старшего, среднего, отчасти и молодого поколения граждан России. В условиях тяжелейшего кризиса, переживаемого "усеченной", возвращенной на юге и западе к допетровским границам, потерявшей половину своего производственного потенциала, вконец обнищавшей, попавшей в жесткую финансовую зависимость от Запада страны, общественная мысль поневоле обращается к советскому периоду отечественной истории. Объективная оценка этого периода, его достижений и недостатков, причин крушения одной из двух сверхдержав послевоенного мира - одна из самых насущных проблем, стоящих перед научной мыслью конца XX века. При всех обстоятельствах ее понимание упирается в оценку советского общества и, прежде всего, сущности общественного строя, сформировавшегося в СССР, его социальной структуры. Нам не раз приходилось выступать с разъяснениями насчет многозначности понятия "социальная структура" [1], и здесь достаточно упомянуть два момента. Во-первых, что *социально-классовая* структура является одним из важнейших "сечений", видов социальной структуры, и, во-вторых, что в советской обществоведческой литературе с середины 30-х гг. понятие общественного строя употреблялось в смысле, весьма близком понятию социально-классовой структуры, поскольку речь шла о делении общества на классы и об отношениях между ними. Вот почему при раскрытии темы будут использоваться эти два термина как близкие.

Автор рассматривает свою задачу как двуединую: выяснение объективной структуры классовых, групповых, слоевых отношений не отделяется от дискуссий по поводу понимания ее сущности в социологической, экономической и т.д. литературе советского периода и наших дней. Причина, побудившая нас избрать такой подход к теме, достаточно очевидна. Если в социальных науках поиски объективной истины *всегда* сопряжены с наложением субъективных моментов, начиная с интересов социальных сил и кончая личными пристрастиями исследователя, то в условиях ломки общественного уклада роль субъективного фактора возрастает многократно.

Рассмотрение вопроса о сущности социально-классовой структуры советского общества целесообразно начать с анализа официальных документов второй половины 30-х гг., когда социалистическое общество в его особой, советской форме в основном сложилось на территории страны в ее довоенных границах. Данные тогда оценки продолжали с известными поправками и дополнениями сохраняться в общественно-

Статья представляет собой журнальный вариант главы подготовленной к печати монографии "Социальная структура. Теория. Эволюция. Трансформация".

политической литературе на протяжении полувека. В 1936 г. в докладе о новой Конституции СССР И.В. Сталин заявил, что эксплуататорские классы ликвидированы, но остались "в корне изменившийся рабочий класс, класс крестьян и интеллигенция". Далее было сказано, что "расстояние между этими социальными группами сокращается", что "падают и стираются экономические и политические противоречия между ними". Важно для наших целей отметить, что интеллигенция не была названа тогда ни "классом", ни "прослойкой", ни "слоем" и т.д. Насчет социальных противоречий было сказано весьма осторожно: они были признаны, хотя и в "стирающемся" виде. В докладе на XVIII съезде партии в 1939 г. формула "2 + 1", а она стала официальной трактовкой классовой структуры общества, была несколько дополнена. Советское общество было признано свободным от "непримиримых противоречий" и "классовых столкновений" и поэтому "представляет картину *дружественного сотрудничества* рабочих, крестьян и интеллигенции". Наряду с "дружественным сотрудничеством", отношения между тремя основными составными частями новой социально-классовой структуры были охарактеризованы как "*морально-политическое единство* советского общества" [2].

Поскольку эти формулы были канонизированы и прокомментированы в качестве абсолютной истины бесчисленное количество раз и, с другой стороны, отвергнуты и даже высмеяны в последнее десятилетие тоже бесчисленное количество раз, они требуют внимательного объективного разбора в соотнесении с реальностью того времени, когда они были выдвинуты, а также с реальностью середины 80-х гг., поскольку за полстолетия в обществе произошли весьма существенные изменения в элементах социальной системы и связях между ними.

Следует признать, что как *политические* формулы, указывающие на главные составные части общества и дружественный характер отношений между ними, они были в первом приближении верны, достаточно очевидны и приняты массовым сознанием, что способствовало росту интеграционных тенденций в обществе. Это нашло выражение, во-первых, в осознании общности коренных интересов социальных групп в необходимости ускоренной модернизации страны, создании современной индустрии, достижении экономической и политической независимости, укреплении оборонной мощи перед лицом растущей опасности военного нападения на Западе и на Востоке. И.В. Сталин в 1931 г. отмечал: "Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомянут" [3]. Объективно обусловленный подъем волны советского патриотизма был умело поддержан всеми средствами идеологического воздействия. Во-вторых, интеграции способствовала национальная политика, провозгласившая равенство между народами, направленная на ускоренное хозяйственное и культурное развитие национальных "окраин" царской России, которые приобрели статус союзных республик, а также автономий разного ранга. Соединение принципа федерации с принципом автономии при сохранении централизма в управлении страной способствовали укреплению имевшего вековые корни сотрудничества народов России и его перерастанию в дружбу на новой социально-экономической и государственной основе. И в этом направлении существенную роль сыграла идеологическая работа партийных и государственных органов всех ступеней по воспитанию "чувства семьи единой" (П. Тычина), формированию новой наднациональной общности людей. Постепенно большинство граждан страны стало ощущать свою принадлежность к такой исторической общности как *советский народ*, которая как бы "надстраивалась" над национальной самоидентификацией, ибо без ущерба для национального чувства совмещалась с признанием себя русским, узбеком, татариним, евреем и т.д., с одной стороны, рабочим, колхозником, инженером, ученым и т.д., с другой. Особо важную роль в распространении этого убеждения в массах сыграла Отечественная война, а после нее - угроза ракетно-ядерного нападения со стороны США и НАТО.

Прежде чем перейти к научному обсуждению этих общеизвестных формул, следует остановиться на попытках их огульного отрицания, характерных для крайних предс-

тавителей направлений общественной мысли 90-х гг., противостоящих друг другу, но сходящихся в крайне негативной оценке советского периода отечественной истории. Особенно характерны крайности для лиц, которые не являются специалистами в данной области науки, но активно и громогласно выступают в печати с амбициозными оценками советского общества, в т.ч. его социально-классовой структуры.

С одной стороны, это политики, идеализирующие порядки в дореволюционной России. Так, в докладе, представленном В.В. Жириновским на соискание степени доктора философских наук этот известный политический деятель утверждает, что "завершающим этапом сталинской "революции сверху", окончательно превратившим общество в *бесструктурную массу*, стал Большой террор 1935-1939 гг." Столь же однозначно характеризуются им процессы национального развития: "Коммунистическая тоталитарная революция в России... не только *деструктурировала* социум, но и *аннигилировала* традицию, уничтожила национально-исторические, моральные ценности и устои и денационализировала русскую нацию. В итоге сложилась "новая историческая общность людей", *безнациональная нация* - советский народ" [4]. Автору невдомек, что бесструктурных обществ история не знает, равно как "безнациональных наций".

С другой стороны, не менее категоричные оценки приходится слышать от сторонников "современного западничества", либеральной риторики. Например, доктор исторических наук А.А. Галкин в связи с 30-летием основания академического социологического института выступил с итоговой статьей, посвященной изменениям в социальной структуре общества [5]. О советском периоде он пишет, что "представления о социальной структуре были мифологизированы", а "критерии вычленения структурных единиц, будучи обусловлены умозрительной моделью, имели мало общего с реальным положением дел...". Отдав таким образом дань обычным либеральным заклипаниям, на той же странице автор вынужден признать, что принятое деление на социальные группы "не было до конца вымышленным и с течением времени стало (и остается поныне) важным составным элементом общественного сознания и формой самоидентификации значительной части населения". Далее А. Галкин добавляет, что оно имело также "корешки" в экономике и в социальных отношениях. Стало быть, в экономике, в общественных отношениях и в общественном сознании это деление имело место! Неудивительно, что, переходя к анализу происходящих ныне изменений (их оценку мы здесь оставляем в стороне), этот автор исходит из социальной структуры общества, провозглашенной им "мифологической".

Переходя к научной оценке социально-классовой структуры советского общества, следует начать с того, что мы вовсе не считаем (и не считали никогда ранее) приведенную формулу "2 + 1" совершенной и неуязвимой. Она была верна в своей характеристике классового состава населения и отношений между ними лишь *в основном*, хотя бы потому, что по сути не давала ответ на два вопроса. 1) Об остатках исчезнувших по своему экономическому положению классов, члены которых продолжали ощущать себя бывшими кулаками, нэпманами и даже дворянами, а также сотнями тысяч репрессированных и членов их семей. Преувеличение исходившей от этих остатков прежней структуры общества опасностей послужило для властей оправданием практики массовых репрессий, в результате которых погибли сотни тысяч невинных людей, пострадали их семьи. В том, что такая опасность на деле существовала, убеждает анализ состава лиц, перешедших на службу оккупантам во время войны на временно захваченных гитлеровцами территориях, даже тех, которые находились в границах СССР до осени 1939 года. Если в нижних звеньях преобладали шкурники, а подчас просто спасавшиеся от голода или страха смерти люди, то в средних и высших эшелонах предателей преобладали "бывшие", надеявшиеся восстановить при оккупантах утраченные социальные позиции. 2) Об особом социальном положении нового слоя высших управленцев, партийно-советской бюрократии, которая поначалу имела весьма ограниченные и строго контролируемые преимущества и, что тогда было более важно, в снабжении продуктами, обеспечении жильем и транспортом. Впоследствии

эти привилегии систематически расширялись, вплоть до построенного для себя Горбачевым дворца в Форосе, обошедшегося в 50 млн. долларов.

Оба эти вопроса нуждались в теоретическом освещении с официальных позиций. Первый был решен весьма "просто". Репрессированные по политическим статьям (в отличие от уголовников) были объявлены "врагами народа", т.е. как бы находящимися *вне* советского общества, *за пределами* социальной системы. Осколки и остатки враждебных прежде классов и слоев, вроде буржуазной интеллигенции, бывших нэпманов и кулаков, рассматривались как находящиеся на перевоспитании в составе новых социальных групп - до тех пор, пока те или иные их члены не проявляли себя как враждебные строю элементы и не привлекались к ответственности. Второй вопрос был решен еще более "просто". Руководящие работники всех ступеней рассматривались под двумя углами зрения: по происхождению и по выполняемой работе. Так, управляющий трестом мог считаться рабочим, если он был выдвинут на руководящую работу из рабочей среды, и государственным служащим - в соответствии с выполняемой работой по должности.

В отличие от официальных документов, научная мысль, особенно после возрождения эмпирической социологии в СССР с конца 50-х гг., опираясь на исследования реальных процессов и оставаясь в целом на теоретических позициях марксизма, пыталась дополнить эти формулы и привести их в соответствие с действительным строением общества. При этом взгляды социологов поневоле устремлялись к получившим развитие на Западе теориям социальной стратификации, пытавшимся, каждая на свой лад, объяснить деление общества на различные по положению слои (страты). Поскольку многие сторонники этих теорий открыто или подспудно противопоставляли свои схемы марксистской теории классов, термин "стратификация" был подвергнут в советской научной литературе критике. Она отчасти была справедливой, поскольку деление общества на слои противопоставлялось делению на классы, методологическая основа этих теорий была весьма уязвима. Общество делили на слои (страты) по различным критериям, подчас произвольным, не пытаясь установить внутреннюю связь между ними, а тем самым и "нарезанными" согласно этим критериям слоями. Но в социологической литературе еще того периода было показано, что сама идея стратификации, т.е. деления социума на слои, вовсе не противоречит теории классов, что в классической марксистской литературе основные классы буржуазного общества рассматривались как состоящие из различных слоев, что в ней был дан анализ положения и интересов промежуточных и пограничных слоев и т.д. Поэтому общая тенденция развития социологических исследований и их теоретического обобщения с конца 50-х гг. состояла в том, чтобы, опираясь на теорию классов, разработать концепцию стратификации применительно к реально существующему, находящемуся в процессе развития советскому обществу.

Наибольшие трудности возникли при этом при анализе состава *интеллигенции*, поскольку ее определение, как всей совокупности работников умственного труда, оставляло открытым вопрос о *социальной неоднородности* этой многочисленной группы, которая быстро росла по численности: в конце 30-х гг. она составляла одну шестую, а через полвека уже третью часть населения страны. По этому вопросу длительное время сохранялись различные точки зрения. Отметим несколько моментов.

Во-первых, применяя в "укороченном" виде марксистский критерий классовых различий, сводя его к различиям по отношению к средствам производства, многие экономисты и социологи считали возможным "разнести" людей умственного труда по двум классам: представителей интеллигентных профессий, состоявших членами колхозов, считать входящими в кооперированное крестьянство, а работавших на предприятиях и организациях на базе общенародной собственности - в рабочий класс. Первая операция благословлялась статистикой, которая колхозниками числила всех членов сельхозартелей. Вторая повисала в воздухе, ибо в анкетах все эти лица проходили как "служащие". Одной из попыток разрешения этого противоречия было предложение ряда социологов отнести к рабочему классу всех или определенную часть работников

"нефизического" труда. Наиболее широко раздвигал границы рабочего класса О.И. Шкаратан, предложивший считать признаком рабочего "в производственной сфере - принадлежность к совокупному рабочему", а в "социально-экономической сфере" - "принадлежность к работникам государственных предприятий и учреждений, получающим заработную плату..." [6]. Л.А. Гордой высказал близкую точку зрения, предлагая считать частями рабочего класса интеллигенцию и служащих, занятых в сфере материального производства, входивших в коллективы промышленных и строительных организаций, а также лиц, занятых вспомогательным трудом в сфере обслуживания [7]. Что касается последних, то вскоре статистические органы стали причислять к рабочим продавцов и ряд других работников сферы обслуживания, а в социологической литературе они стали рассматриваться как особый отряд рабочего класса, имеющий существенные особенности. Иначе обстоит дело с первым из этих предложений. Оно искусственно разрывало интеллигенцию (даже инженерно-техническую, поскольку работники большинства НИИ не входят в производственные коллективы) на две части. Эту позицию теоретически пробовали подкрепить произвольно толкуемой цитатой из "Капитала" Маркса, который называл персонал предприятия "коллективным работником", деятельность которого подчинена единой цели. Но Маркс сугубо различал технологическое и социальное разделение труда, полагая, что владелец фабрики или высокооплачиваемый управляющий в социальном плане находятся в совершенно ином положении, чем наемный рабочий. Подспудный мотив этого предложения был очевиден, в нем находило определенное выражение, накопившееся к концу 60-х гг. определенное недовольство интеллигенции оплатой труда и распределением общественных фондов потребления, ограничениями для "служащих" при вступлении в партию, а тем самым возможностями продвижения и т.д. Включая инженерно-техническую интеллигенцию в состав советского рабочего класса, авторы данной концепции считали ИТР его передовой, интеллектуально наиболее развитой частью и, тем самым, придавали тезису официальной идеологии о ведущей роли рабочего класса совершенно иной смысл - право интеллигенции на руководство обществом.

Этот тезис был подвергнут сомнению и с другой стороны, с опорой на получившее распространение еще с конца XIX века понимание интеллигенции, как интеллигенции по преимуществу гуманитарной, призванной выполнять роль духовного наставника народа. Само слово "интеллигенция" русского происхождения, впоследствии оно было принято и в мировой литературе в этом специфическом смысле. Приведем для примера определение, выдвинутое в 1907 г. публицистом Ивановым-Разумником: "интеллигенция есть этически - антимещанская, социологически - внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности" [8]. Напутано здесь изрядно, но если отбросить указание на "внеклассовость" (которое не выдерживает критики, поскольку в России того времени наличествовала дворянская, буржуазная, мелкобуржуазная интеллигенция), то на первый план выходят: этический критерий, творческий характер труда, способность формулировать общественные идеалы и действовать во имя их осуществления. Данное определение по существу рисует идеализированный портрет той части дореволюционной гуманитарной интеллигенции, которая считала себя "солью земли русской".

Для наших целей важно отметить живучесть подобных представлений. В пережиточной форме они существовали на протяжении всех десятилетий советской власти и испытали значительное оживление в период активности "диссидентов" в 70-е гг. и, далее, в период "реформ", когда к руководству страной на волне демократизации пришли "завлабы" и "эмэнэсы". Идеологическое оправдание исключительной социальной роли узкого круга гуманитарной интеллигенции можно найти также в статьях А. Солженицына, который презрительно именует основную массу специалистов с высшим образованием "образованщиной" (близкую позицию занимают академик Д.С. Лихачев и др.). В социологической литературе подобная позиция в "чистом" виде встре-

чается редко, но с ее отголосками приходится встречаться повседневно. В ней, а также в СМИ и массовом сознании бытует узкое понимание творческих профессий, как свойственных *только* деятелям искусства, и оно, к сожалению, подчас проникает в социологию при рассмотрении социально-профессиональной структуры интеллигенции. Это представление неверно по существу, оно в корне противоречит пониманию творческого характера человеческого труда вообще, творческого характера научной, технической, политической и т.д. деятельности, в частности.

В наибольшей степени недостаточность, а в определенном смысле ущербность определения интеллигенции как совокупности работников умственного труда, обнаруживается, когда выработанный марксистской теорией критерий классовых различий берется в полном объеме, т.е. учитываются различия в положении социальных групп также по их роли в общественной организации труда (а тем самым по характеру труда) и по участию в распределении произведенного продукта. Впрочем, учет различий по характеру труда, его качеству и связанной с ним его оплаты вовсе не является привилегией марксистки ориентированной социологии. В западной социологии давно принято деление на страты по качеству и оплате труда, в том числе работников труда умственного - между специалистами, имеющими высокий уровень профессиональной подготовки и поэтому высокооплачиваемыми, и обычными служащими, клерками, выполняющими стереотипную умственную работу, и поэтому оплачиваемыми, как правило, не выше труда квалифицированного рабочего. Данное различие имело место и в СССР, но затемнялось принятой терминологией, когда при заполнении анкет и прочих официальных документов служащими писали всех нерабочих, занятых на государственных предприятиях и учреждениях.

Для "распутывания" этого недоразумения нами еще в середине 60-х гг. было предложено четко разграничить два смысла понятия "служащий" и признать, что интеллигенция (в широком смысле) состоит, по крайней мере, из *двух* социальных групп: лиц высококвалифицированного умственного труда (инженеры, врачи, учителя, работники науки и т.д.), называемых обычно "специалистами", и просто служащих разного рода (секретари, счетоводы и т.д.). За первой предлагалось оставить наименование интеллигенции (в социологическом понимании этого термина), а за второй наименование "служащих" или иначе - "служащих-неспециалистов", чтобы "размнаться" с анкетным смыслом этого термина [9].

Наконец, наиболее сложным и "болезненным" оказался вопрос о выделении из "служащих" и "интеллигенции" (в официальных трактовках этих терминов) слоя, который осуществлял в советском обществе *функции управления*. Выше уже упоминалось о том, как "разрешала" этот вопрос официальная идеология и находившееся у ней на службе догматическое обществоведение, например, в учебниках по теории научного коммунизма. Сложнее обстояло дело с теоретической постановкой этого вопроса и его эмпирическим изучением в советской социологии, стремившейся исходить из марксистской теории классов. Напомним, что сущность классовых различий марксизм усматривает в различном положении больших групп людей в системе производственных отношений. Поскольку эта система состоит из трех основных элементов, то указанное различие конкретизируется как различие по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда, по месту в системе распределения. И далее, поскольку различие содержит в себе зачаток противоречия, различие в экономических интересах означает возможность одних социальных групп присваивать себе результаты труда других. Противоречие между официальной трактовкой классовой структуры, опиравшейся на догматизированный марксизм, и результатами, получаемыми социологами, исходившими из творчески понятого марксизма, применявшими в своих исследованиях стратификационный подход при изучении реального общества, нашло выражение в целом ряде пунктов.

Начнем с вопроса, касающегося структуры интеллигенции. Различие по роли в общественной организации труда является, прежде всего, различием между трудом *организаторским* (управление людьми, а не машинами) и трудом *исполнительским*,

будь то исполнительский труд умственный или физический. Последнее различие залось наиболее важным для понимания противоречий советского общества. Выше отмечалось, что уже в 20-е гг. начал формироваться слой советской, партийной, хозяйственной бюрократии, которая получила название "номенклатуры", поскольку эти лица проходили утверждение в инстанциях разного уровня — от бюро райкома партии или министерского главка до Политбюро ЦК ВКП(б). Социологи уже в 60-е гг. стали рассматривать номенклатуру как *особый* слой общества, сосредоточивший в себе функции организации производства и всей общественной жизни. Исследование способа получения и размера доходов номенклатуры не могло получить достаточного развития вследствие закрытости данных и цензурных ограничений.

Во-вторых, широко развернулись конкретные исследования структуры рабочего класса, как различий по квалификационным *слоям*, так и различия между его *отрядами*, занятыми в разных отраслях хозяйства, - в промышленности, строительстве, сельском и лесном хозяйстве, торговле и сфере обслуживания и т.д. Изучались также различия по слоям в зависимости от степени механизации труда, по уровню квалификации и т.д. Особое внимание привлек слой рабочих, управляющих сложными машинами и агрегатами, что требует научной подготовки и наличия диплома о высшем либо среднем специальном образовании, т.е. слой, *пограничный* между рабочими и инженерно-технической интеллигенцией. Аналогичные исследования слоевого состава были проведены при изучении структуры колхозного крестьянства и всего сельского населения, с учетом роли личного подсобного хозяйства, а также такого особого слоя интеллигенции, как лица свободных профессий: адвокаты, артисты, репетиторы и т.д., которые обычно совмещали "рыночную" деятельность со службой в государственных учреждениях. Развертывание социологических исследований вступало в противоречие с догматическими представлениями самого разного типа, в том числе о "монолитности" рабочего класса.

В-третьих, вульгаризация, определявшаяся главным образом идеологическими соображениями, особенно давала о себе знать при трактовке заключительной части ленинского определения классов, о котором вкратце было упомянуто выше, - связь различий в положении социальных групп с противоречиями в интересах между ними. Нами отмечалось, что вывод о возможности присвоения труда одних социальных групп другими имеет всеобщий характер и продолжает действовать в условиях советского общества 60-70-х гг. [10].

С конкретизацией вопроса о противоречиях на материалах социологических исследований дело обстоит сложно. С одной стороны, положение диалектики о противоречиях как движущей силе развития признавалось как всеобщий закон и поэтому как верное и в наших условиях. С другой стороны, попытки его раскрытия не в единичных и частных проявлениях, например, как противоречия между новаторами и консерваторами на заводе или в научном коллективе, а как *социального* противоречия, т.е. противоречия между социальными группами, слоями советского общества, наталкивались на идеологические препоны. Конечно, нельзя не учитывать специфику общего напряженного положения в стране перед войной, во время войны, да и после нее, когда началась без передышки война "холодная". В этих условиях требовались сплоченность и единство всего общества перед лицом внешней опасности, что определяло не только позицию партийно-государственного руководства, но оказывало мощное влияние и на массовое сознание. Отмеченное требование диалектики не учитывалось в должной мере в научной литературе при анализе реальной жизни также потому, что на первых этапах развития нового строя внутренние противоречия, заложенные в государственном социализме как социальной системе, еще не могли проявиться в полном объеме, многие из них до поры, до времени существовали в зародышевой форме. Как известно, "сова Минервы вылетает вечером...". О социальных противоречиях социологи (и не только они, публицистика во многом опережала научные издания) во весь голос заговорили тогда, когда эти противоречия обострились, когда стал очевидным провал попыток реформирования социализма под флагом "перестройки". Но на

протяжении длительного периода "холодной" войны, постепенно ослабевая, продолжали действовать упомянутые выше опасения насчет неправомерности "раскачивания лодки", хотя государственный корабль по мере углубления "застоя" все более кренился набок.

Пусть читателю не покажется отклонением от темы, если мы остановимся на вопросе о социальных противоречиях с философских позиций. Известно, что упрощение проблемы противоречий социализма имело своим исходным пунктом тезис Сталина о полном соответствии производственных отношений социализма потребностям развития производительных сил. И хотя впоследствии "полное" соответствие было заменено "обязательным", данный тезис от этого истиннее не стал. "Обязательность" могла быть понята и как обязательное соответствие в каждый данный момент и как обязательное подтягивание общественных отношений к требованиям роста производства. Только в конце 50-х гг. стала преобладать вторая трактовка, ибо к этому времени обществом начала осознаваться необходимость в реформировании хозяйственных отношений. В дискуссиях того времени, закончившихся внесением весьма ограниченных поправок в правила функционирования хозяйственного механизма (так называемая "косыгинская" реформа 1965 г.), экономисты, ратовавшие за сочетание плана и рынка, не сумели подняться до раскрытия социальных противоречий советского общества. Переход от признания противоречий между двумя сторонами способа производства к противоречиям социальным пытались сделать социологи, в частности, и автор данной статьи. Естественно, по условиям того времени этого рода идеи не могли зазвучать в полную силу в печати. Но в научных дискуссиях, в том числе в докладе на второй всесоюзной конференции по социальной структуре (Свердловск, 1972), мною утверждалось, что интересы слоя управляющих частично расходятся с интересами общества в целом, о том, что интересы рабочих вступают в противоречие с интересами крестьян при определении контрольных цифр плановых поставок и цен на сельскохозяйственную продукцию, что интересы ИТР расходятся с интересами рабочих при определении ставок оплаты труда в промышленности и строительстве, что разрыв между доходами руководящего слоя и рядовых работников чрезмерен и т.д.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что развитие эмпирических исследований примерно за 30 лет (с конца 50-х гг.) и их обобщение в трудах социологов позволило существенным образом подправить и расширить официальное понимание социально-классовой структуры советского общества.

До сих пор речь шла, главным образом, о социально-экономическом "срезе" классовой (групповой, слоевой и т.д.) структуры советского общества, который является определяющим, но не единственным. Социально-классовая структура охватывает *все* стороны жизни общества, все отношения между классами, группами, слоями, ее надо поэтому исследовать в экономике, политике, духовно-культурной сфере, включая идеологию и психологию. Рассмотреть все эти стороны применительно к теме здесь не представляется возможным, но на взаимоотношении экономического и политического "срезов" социально-классовой структуры следует хотя бы кратко остановиться, тем более что этот вопрос в настоящее время стал в центре дискуссий о природе советского строя.

Особенности той исторической формы раннего социализма, которая сложилась в СССР, были во многом обусловлены мобилизационным характером экономики на протяжении фактически всех этапов истории советского государства, которое возникло в борьбе с геополитическими противниками России - СССР, сумело одержать победу в годы войны и прекратило свое существование в результате перенапряжения сил, а затем поражения в "холодной" войне. Поэтому социализм в России - СССР мог быть только *государственным* социализмом, при котором государство от имени общества выступало собственником основных средств производства и организатором хозяйственной и культурной жизни. Этим определялась специфическая природа правящего слоя, той самой номенклатуры, которая характеризовалась выше как особый

слой интеллигенции, сосредоточившей в своих руках функции управления. Строго регламентированное распределение благ по вертикали системы управления, в зависимости от "высоты" поста в партийной, советской, хозяйственной, военной иерархии в известной мере дополнялось коррупцией, связью с теневым бизнесом, "блатом" при решении личных вопросов. Но невозможность накопления капитала и его использования для получения прибыли, передачи должности со всеми привилегиями по наследству и т.д. при жестком контроле как "сверху", со стороны вышестоящих инстанций, так и "снизу" - со стороны парткомов, профкомов, органов народного контроля, прессы и т.д., со временем подвели номенклатурный слой к противопоставлению своих эгоистических интересов интересам народа, которые она призвана была защищать "по службе". В период "перестройки" у высшей части руководства первые стали явно преобладать над вторыми и такова была одна из основных причин крушения советско-партийного строя в СССР.

Если в советском обществоведении, в том числе социологии, на первом плане яри изучении социально-классовой структуры находились экономическое положение и экономические интересы социальных групп, то в последнее десятилетие, когда произошло массовое прощание с марксистской методологией, на первый план вышла политическая сторона. Получил как бы второе дыхание старый спор о возникновении классов между Энгельсом и Дюрингом, сторонники решающей роли политического фактора в развитии социальной структуры получили в литературе явный перевес. Вот как это выглядит ныне в трудах нескольких крупных представителей социологической и смежных наук.

В конце 80-х Т.И. Заславская при анализе отношения различных групп и слоев общества к перестройке исходила из общепринятой схемы, детализируя ее по слоям и выводя настроения и возможности политического действия из особенностей их социально-экономического положения [11]. Через десять лет она подходит к структуре того же самого советского общества совершенно иным образом: "В стратификации советского общества решающую роль играл политический капитал, определявший место общественных групп в партийно-государственной иерархии" [12]. В какой-то мере это справедливо для номенклатурного слоя, что было отмечено выше. Но в статье речь идет об обществе в целом; вряд ли автор сможет доказать, что различия между промышленными рабочими и массовой интеллигенцией (учителя, врачи), а также между колхозниками и рабочими и т.д., определялись местом в управленческой иерархии, а не всей совокупностью классовобразующих признаков, о которых речь шла выше.

В этом плане надо рассмотреть прием, который зиждется на подмене объекта изучения. Обычным для сторонников либеральной идеологии является трактовка происшедших в стране с конца 80-х гг. перемен только или по преимуществу как *перехода от тоталитаризма к демократии*, в то время как изменение социально-экономического строя и классовой структуры общества отходит на второй план. Так, в статье, опубликованной перед открытием политологической конференции, Ф. Бурлацкий утверждал, что он, будучи консультантом ЦК КПСС, еще в 60-е гг. предвидел крушение социализма в СССР и "хорошо понимал" "проблемы переходного общества от тоталитаризма к современной демократии" [13]. В этом и подобных рассуждениях упускается из виду, что тоталитаризм по определению является характеристикой *политического*, а не социально-экономического строя. Тоталитарный строй может возникнуть на основе весьма различных по своей сущности социально-экономических отношений, стало быть, в обществах с совершенно различной социально-классовой структурой. Это не исключает моментов известного сходства, например, в наличии привилегий правящего слоя и его отношений с другими классами и слоями общества. Мы намеренно не входим здесь в обсуждение вопроса о том, был ли советский строй тоталитарным в те или иные периоды своего существования, это увело бы далеко от темы, равно как вопроса о том, насколько правомерно называть нынешний политический строй в России демократическим. Мы хотим только подчеркнуть, что для

анализа и оценки социально-классовой структуры решающее значение имеет исследование социально-экономического строя общества.

Известный экономист, бывший мэр Москвы Г.Х. Попов в своих многочисленных выступлениях называет советский общественный строй *административно-командной системой* (АКС) [14]. У нас вызывает сомнение пригодность этого, получившего широкое распространение понятия для характеристики социально-экономического строя, а тем самым социальной структуры общества. Понятие административно-командной системы является, по существу, характеристикой *системы управления*, но не *самого объекта управления*, коим является общество. Следовательно, оно весьма ограничено пригодно для описания объекта и его структуры, в определенной мере характеризуя лишь такой "разрез" этой структуры, как отношения управления.

Позицию автора по вопросу о социально-классовой структуре советского общества можно было бы резюмировать следующим образом. Мы рассматриваем эту структуру как структуру общества *в основном* социалистического, прошедшего за полстолетия значительную эволюцию. Возобновление развития по этому пути нам представляется исторически неизбежным, но он будет происходить в совершенно новых геополитических условиях, на более высокой технологической базе и в иных общественных формах. Когда и как это возобновление свершится, мы сегодня не знаем, но для нас не подлежит сомнению колоссальное всемирно-историческое значение более чем 70-летнего периода развития *советского варианта раннего социалистического общества*, обладавшего значительными *особенностями*, обусловленными историческим прошлым России и наличием капиталистического окружения, отличавшегося также существенными *деформациями*, обусловленными в главном действием субъективных факторов. Вопросы об *эволюции* социально-классовой структуры советского общества на протяжении последних десятилетий его существования и начавшейся (но далекой от завершения) с конца 80-х гг. его *трансформации* рассматриваются автором в последующих главах названной выше монографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руткевич М.Н. Диалектика и социология. М., 1980. Макросоциология. М., 1995.
2. Сталин И.В. Соч., т. 14. М., 1997. С. 122-126, 318-319.
3. Там же, т. 13. С. 39.
4. Жириновский В.В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. МГУ. 1998. С. 36,38.
5. Социологические исследования. 1998. № 10. С. 85.
6. Шкаратан О.М. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. С. 100.
7. Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968. С. 111 и др.
8. Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 80.
9. Изменение социальной структуры советского общества. Изд-во УрГУ. Свердловск, 1965.
10. Руткевич М.Н. Методологические проблемы изучения социальной структуры советского общества. Изд-во УрГУ. Свердловск, 1972. С. 11 и др.
11. Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М., 1988. С. 17 и др.
12. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5-6.
13. Независимая газета. 5.02.1998. С. 8.
14. Попов Г.Х. Избр. соч. в 8 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1996. С. 13-118.